

ЭТНАКУЛЬТУРНАЯ СПЕЦЫФІКА БЕЛАРУСКАГА ПАДЗВІННЯ Ў ДЫЯХРОНЫМ І СІНХРОНЫМ ВЫМЯРЭННЯХ

УДК 82.34

ПСКОВСКИЕ ЛЕГЕНДЫ О СВЯТЫХ ИСТОЧНИКАХ (ПО МАТЕРИАЛАМ ФОЛЬКЛОРНОГО АРХИВА ПСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА)

д-р филол. наук, проф. Л.А. ЮРЧУК
Псковский государственный университет;
И.В. КАЗАКОВ
Высшая школа экономики, Москва

На материале легенд фольклорного архива Псковского государственного университета представлена роль «святых источников» в традиционной религиозной практике крестьян Псковщины.

Легенда является жанром, относительно которого в русской и зарубежной фольклористике существует множество порой противоречивых мнений. В одних случаях под легендой понимают устные рассказы на библейские темы (так, например, по мысли В.Я. Проппа, предмет легенды – «представления, связанные с государственной религией дореволюционной России» [9, с. 34]), в других – едва ли не любые рассказы несказочного характера, основанные на вымысле (так, С.Н. Азбелев к составу легенд относит былички и бывальщины [1, с. 14]). Нижегородский исследователь Ю.М. Шеваренкова, автор одной из наиболее обстоятельных работ последнего времени, посвященных произведениям данного жанра, определяет легенды как «устные народные рассказы, в совокупности своей вбирающие в себя все аспекты народного религиоведения, то есть знания о живом и неживом мире и его судьбах, о греховности и праведности человека, знания об истории, представленной в образах общеизвестных и местных священных героев, знания об устройстве и функционировании местного духовного пространства, центром которого является природная святыня» [12, с. 167].

Приняв данное определение в качестве рабочего, отметим, что легенды выделены исследователем по признаку темы. Предметно-тематический критерий при классификации произведений устной несказочной прозы является одним из основных, но наряду с ним существует иной подход, в рамках которого критерием для жанрового определения становится отношение текста к действительности [4, с. 500–501; 7, с. 44–45]. С этой точки зрения легенда – это рассказ о необыкновенном, чудесном.

Подобно иным жанрам устной несказочной прозы, легенда нацелена на передачу сведений (в данном случае – космогонических или религиозного характера), в связи с чем отличается слабой выработанностью стилистических средств, невыделенностью из обыденного речевого потока, свободой композиционной организации, отсутствием поэтапного изображения событий, излишней детализации, прямой речи персонажей, психологической мотивировки их действий и в целом меньшей отчетливостью эстетической установки; ей не присущи традиционная для песенного, сказочного и игрового фольклора формульность и «общие места». В то же время общественная функция легенды «всегда не только познавательная, но и эстетическая» [1, с. 25]: рассказ о чудесном случае невозможен без элементов пусть бессознательного, но вымысла, возникающего из интереса к необыкновенному, что является основой художественного творчества. Именно по этой причине для легенд в меньше мере, чем для преданий, характерна редукция сюжета, они реже передаются в форме хроникального сообщения: необходимость рассказать, в чем именно состоит чудо, что стало его причиной и какие события ему последовали – становится предпосылкой сюжетного развертывания повествования.

В настоящей статье речь будет идти о «местных легендах», впервые в отечественной фольклористике выделенных В.Л. Комаровичем [6]. «Местные легенды» являются одним из элементов культа «деревенских святынь» – «почитаемых ландшафтных объектов, не предусмотренных каноническим церковным обиходом и в то же время играющих существенную роль в традиционной религиозной практике крестьянина» [8, с. 4].

Культ «деревенских святынь» давно привлекает к себе внимание историков и краеведов. Установлено, что он известен многим народам, что в восточноевропейском культурном обиходе он был привычным явлением на протяжении нескольких тысячелетий. Однако легенды как один из элементов этого культа редко попадали в поле зрения ученых. Из обобщающих большой материал работ можно назвать

только кандидатскую диссертацию А.П. Липатовой «Местные легенды: механизмы текстообразования» (Ульяновск, 2008). На материале Нижегородской земли построены исследования Ю.М. Шеваренковой [10, 11]. К псковским легендам о «деревенских святынях» в отдельных случаях обращается А.А. Панченко, автор монографии «Исследования в области народного православия. Деревенские святыни Северо-Запада России» (СПб., 1998), однако в целом данная работа систематизирует накопленные наукой этнокультурные сведения и посвящена, главным образом, новгородским памятникам.

Обращаясь к анализу местных легенд, обнаруженных нами в фондах фольклорного архива Псковского государственного университета, считаем при этом необходимым вслед за А.А. Панченко заметить, что мотивы и сюжеты, относящиеся к народной мифологии ландшафта, обычно не связаны жесткой жанровой структурой и скорее составляют «ряд «полей значений», обретающих смысл и границы лишь в конкретных контекстных ситуациях» [8, с. 65], от которых и будет зависеть, получит рассказ жанровую форму предания, легенды или поверья. Однако представляется верным также отметить выявленную нами на материалах фольклорного архива ПсковГУ общую устремленность рассказов о «деревенских святынях» к жанровой форме легенды: записанные в 1981–2015 гг., они сохранились в активном запасе фольклорной традиции лишь благодаря тому, что содержали в себе информацию об экстраординарном, невероятном событии, рассказ о котором был призван повысить статус места в глазах собирателя, подчеркнуть его чудесную, медиативную природу. В фольклорном архиве ПсковГУ нами обнаружено около 150 таких текстов, более 40 из которых – это рассказы о святых камнях и источниках. Материалом настоящей статьи стали рассказы фольклорного архива ПсковГУ о святых источниках.

Легенды фольклорного архива указывают на существование в прошлом или настоящем святых источников в Порховском (5 объектов), Печорском (3 объекта), Псковском, Стругоокрасненском, Пушкиногорском, Гдовском и Опочечком (по 1 объекту в каждом) районах.

Нередко святынями становились места, где подвизался отшельник, либо связанные с деятельностью святого. Таковы «Ольгинский родник» в Псковском районе, ключи Никандровой пустыни и святой источник местнотимого св. иеросхимонаха Мардария в Порховском районе. В легендах как об «Ольгинском роднике», так и о ключах Никандровой пустыни святой источник является составной частью культового комплекса, включающего также и святые камни (камень). Церковь, которая в целом оставляет культовые источники и камни на периферии своего внимания, проявляет лояльность к ним, когда эти объекты связаны с именем святого, что выражается в возведении рядом с источниками часовен, крестов, оград, устройении крестных ходов, проведении молебнов.

В Никандровой пустыни святые ключи, по легенде, образовались в тех местах, где преподобный Никандр Псковский останавливался отдохнуть («где сидел, все ключок проделался» (ФА ПсковГУ за 2002 г., т. 6/1190, л. 22–26). Рассказывают о случаях исцеления от детских, глазных, кожных болезней, болезней ног, пьянства, паралича «и вообще от всего». Паломники купались в воде ключей, набирали ее в сосуды и затем использовали в случае болезней, грызли установленные для купания дубовые корыта для избавления от зубной боли. В качестве жертвы в воде ключа и на ветвях ближайшего кустарника по сей день оставляют детали одежды: «И полотенца носят, и салфетки, и скатерти, кто чего», «помогает, кто завяжется» (ФА ПсковГУ за 2002 г., т. 2/1180, л. 31–35). У сооруженной при одном из ключей часовни проводится служба.

Если традиционно «деревенская святыня» почитается жителями ограниченного числа деревень, составляющих своеобразный ее «приход», то в данном случае информанты подчеркивают, что культовый объект пользуется широкой известностью: сообщают, что на ключи приезжают жители Санкт-Петербурга, что в свое время вода ключей принесла исцеление одному из членов царской семьи.

В одной из записей встречается мотив необычного явления у святыни: прозревшая девочка увидела в воде источника мифологического покровителя священного локуса, преподобного Никандра.

Близкий комплекс мотивов включают в себя легенды об «Ольгинском ключе», о котором псковский краевед и историк Н.К. Богушевский в 1879 г. сообщал следующее: «Сюда, по преданию, Святая, будучи еще крестьянской девицей, ходила за водой и умывала в нем каждое утро «свое светлое личико». С той поры источник приобрел дивное свойство: исцелять верующих, умывших в нем лицо и глаза и опустивших в его светлые струи какую-либо медную или серебряную монету, от всевозможных глазных недугов – и даже от слепоты» [3, с. 29]. Согласно материалам фольклорного архива ПсковГУ, вода источника, у которого возведена часовня и совершаются водосвятные молебны, приносит исцеление «от многих болезней», прежде всего, от болезней глаз.

Легенды «медицинской» тематики, повествующие об исцелении человека от общения со святыней, – наиболее распространенная группа выявленных нами текстов, привлекающая к «деревенской святыне» новых верующих и повышающая своеобразный рейтинг святыни среди прочих культовых объектов.

Пещерку, святой источник и камень с «Божьим следом» включает топография почитаемого места в д. Трутнево Гдовского района. Согласно записанным здесь легендам, из трутневской пещеры «Бог вышел», оставив след на камне. Другой вариант легенды сообщает о двух следах: детском и взрослом

Этнакультурная специфика Беларускага Падзвіння ў дыяхронным і сінхронным вымярэннях («следочек Божьей Матери, как местные люди говорят, и маленький следочек Младенца» (ФА ПсковГУ за 2005 г., т. 3/1770, № 7, касс. ГД 2005-10). Таким образом, легенды о пещере в Трутнево, повествующие о чудесных свойствах святыни, носят этиологический характер: в них фиксируется переход обычного природного объекта в разряд сакральных.

Одновременно легенды сохраняют и «медицинскую» тематику: традиция предписывает встать на соответствующий возрасту камень и выпить воды из следа или умыться с профилактической целью либо для исцеления. Информанты приводят примеры совершавшихся в пещерке исцелений от порчи и увечий. У пещерки «заветы кладут», оставляя в качестве жертвы «ленточку, или полотенце, или платочек», «чтобы исполнилось желание твое». В Шестую пятницу после Пасхи из церкви д. Кунесть к пещерке совершается крестный ход, причем обходят вокруг камня, служат молебны и проводят крещение. Встречается в народных рассказах ссылка на сопутствующее чудо: «Господь дает такую силу этой воде, что она не замерзает» (ФА ПсковГУ за 2005 г., т. 3/1770, № 11, касс. ГД 2005-10).

Здесь же записаны и рассказы о наказании за святотатство, нередко встречающиеся в составе местных легенд. Информанты охотно их воспроизводят, поскольку каждый такой рассказ дает возможность дополнительно продемонстрировать чудесные свойства священного объекта, пусть и в негативном ключе: святыня выступает в роли судьи, карающего за нарушение норм. Поэтому-то и борьба с «деревенскими святынями», развернувшаяся в годы советской власти, лишь укрепляла их статус в глазах верующих. Как и исцеление, возмездие всегда затрагивает физическое состояние человека (смерть, болезнь). В Трутнево Бог наказывает людей, поваливших установленный близ пещерки крест, и тех, кто забрал обетные приношения. В Опочецком районе записано несколько легенд о святотатстве, совершенном на почитаемом роднике в д. Шелково членом партии, о последовавшем за этим параличе и смерти героя рассказов. Сакральный объект предстает в таких легендах «как саморегулируемая и самооберегаемая система, не позволяющая менять свои географические координаты, не допускающая возле себя определенных неэтических ситуаций» [11, с. 163].

Противоположен мотиву святотатства в местных легендах мотив «окультуривания» святыни, иногда сопряженный с мотивом вещего сна в его традиционной разработке. Явленная героине во сне святая сила приказывает ей совершить у родника определенные действия, вследствие чего человек получает исцеление: «Одна женщина сделала на источнике обруб. У неё ноги болели. Обруб такой деревянный. Ей приснился сон: «Если сделаешь вот этот обрубок, значит у тебя ноги поправятся». Ноги потом поправились» (ФА ПсковГУ за 1998 г., т. 8, л. 21 об., касс. ОПОЧ 1998-2).

Один из рассказов о целебной силе ключей Никандровой пустыни содержит мотив защиты святыни местными жителями: «[...] мы один раз пришли туды, много нас, баб, пришло. И приехали из райкома на «козле». Ой, бабы боятся: «Ой-ай, Боже, нас сейчас выгонят. Пойдем». Служили акафисты, стало в кучку бабы, читали. Ну и вот, они подошли, говорят: «Бабушки, а есть ли у вас какая польза, что вы сюды пришли?» А одна женщина, с Верхних Горок, Улька, ею было звать, она умерши сейчас, говорит: «Желанненький, я с малых год не ходила, как стала сюда ходить, и вот до сих пор живу Богом. А то я сидела в углу, не ходила». [...] А вот они говорят: «Ну, мы знаем, что это вода лечебная, помогает [...]». Вот они нам так ответили. [...] Они сели на «козёл» и поехали обратно, в Порхов, райсовет» (ФА ПсковГУ за 1997 г., т. 4, л. 47-48, касс. ПУШК 1997-10). Очевидно, «деревенская святыня» осмысливается как податель благ, покровитель.

Легенды фольклорного архива об иных культовых источниках содержат сходный набор мотивов и лишь незначительно дополняют возникшую уже картину. Перечислим выявленные нами мотивы местных легенд о святых источниках, отметив в скобках число текстов, в которых они встретились:

- возникновение святого источника на месте остановки святого («где сидел, всё ключок проде- лался») (1);
- явление святого во сне с предугаданием человеку действий в пространстве культового объекта (4);
- явление иконы у источника (3) в разных вариантах:
 - источник возникает на месте явления иконы (1),
 - необычное явление в святом месте (1);
- чудесное исцеление:
 - посредством омовения водой из источника (22),
 - путем выпивания воды источника (5);
- в святом источнике набирают воду для использования в кризисных ситуациях (18);
- вода источника не замерзает (5);
- совершение «обетного» («заветного») приношения (жертвы) почитаемому месту (монеты (14), полотенце (4), рубашка (3), платок (1), лента (1), «штаны» (1), скатерть (1), салфетка (1));
- возведение у источника часовни (6) / установка креста (4);
- крестный ход к святыне, включающий водосвятие (16), крещение детей (1);

- уничтожение (1) / противодействие уничтожению (1) святыни;
- наказание за святотатство (6).

Легенды о святых источниках представляют собой, как правило, мемораты (воспоминания рассказчика о собственных контактах с сакральным объектом) или «квазимемораты» (рассказы со ссылками на всем известных односельчан). Время действия таких легенд – это время жизни рассказчика или его знакомых. Тот факт, что мемораты существуют обычно в виде единичных записей, не отменяет фольклорного их качества, поскольку в них воспроизводятся устойчивые сюжеты, повторяющиеся в структуре культа «деревенских святынь» разного характера и разных регионов (об исцелениях, о чудесной помощи святыни человеку, не связанной с темой здоровья, о необычных явлениях в пространстве святыни и о святотатстве).

Легенды об исцелениях фиксируют устойчивую ритуальную традицию, обусловленную как календарным циклом, так и окказиональными ситуациями. Имеющиеся данные позволяют говорить о следующей общей схеме таких церемоний: совершение крестного хода к источнику в престольный / заветный праздник (Маковой, Шестая, Девятая пятница по Пасхе, день св. равноап. кн. Ольги) либо по случаю; молебен, водосвятие, обетные приношения (жертвы) почитаемому месту; возвращение.

Наиболее распространенным вариантом приношения являются мелкие монеты, которые бросают в воду источника. «[...] деньги служили актуальным и надежным средством сообщения с иным миром, связывая последний с владельцем или дарителем денег невидимой нитью», – пишет А.А. Панченко [8, с. 25]. Часто среди «обетов» встречаются тканые изделия, которые оставляют у святого ключа (например, на ветвях деревьев), рассматривая их также в роли медиаторов. Оставляя в почитаемых местах «заветы», верующие уносили с собой воду, которую использовали затем в кризисных ситуациях. При этом «святая вода» могла не просто исцелять, но и решать судьбу больного. «[...] люди больные совсем, перед смертей, обязательно сходят, иконки смоят, потом больно и быстро тогда помирая или поправляется.

[Собиратели: Что с иконами нужно сделать?] Мыть, смывать. Водички принести, смыть и этого больного прыскают или поют» (ФА ПсковГУ за 1998 г., т. 11, л. 85–87). Аналогичное представление о функции «святой воды», «разрешающей» кризисную ситуацию в негативную или позитивную сторону, зафиксировано Ю.М. Золотовым в Подмоскovie [5, с. 269–270].

Таким образом, ритуал посещения святыни содержит в свернутом виде основные элементы «больших» ритуалов, выявленные А.К. Байбуриным [2]. На первом этапе его участники перемещаются из «своего» в «чужое» пространство, нередко за пределы селения – туда, где находится «деревенская святыня» (в пещере, ущелье, «недалеко от деревни», «на болоте», «в лесу»). На втором этапе участник ритуала приближается к «чужому» и в «признаковом» поле (полное или частичное обнажение перед купанием в воде источника: «Раздевайся, мойся в этой воды», «И вот она разделася догола, вымылася», «немного разденемся»). На третьем этапе совершается своеобразный обмен, выраженный достаточно отчетливо, когда в сакральном пространстве богомольцы оставляют те или иные предметы, получая взамен желаемое. Конечной целью обмена становится преодоление индивидуальных или коллективных кризисных ситуаций (прежде всего – болезней), обновление жизни перед лицом смерти.

Интересны отдельные случаи, в которых действует «обратная логика», когда не чудотворность объекта становится основанием для совершения ритуальных действий, а религиозно-ритуальная деятельность человека формирует святость места («этот родник Ольгинский, его теперь освящают постоянно, там иконка стоит. Естественно, раз освященная, она святая считается» (ФА ПсковГУ за 2008 г. т. 3, № 92.1, касс. ПСК 2008-8)).

Как видим, местная легенда «дотраивает» реальность, создавая особенную мифологическую модель пространства. Для жителей того края, где она бытует, заключенная в ней сакральная информация обладает исключительной важностью, поскольку определяет особый статус места их проживания. Повествуя о необычном случае, когда-то произошедшем на данной территории, легенда сохраняет знания об устройстве и функционировании местного духовного пространства, центром которого является «деревенская святыня».

ЛИТЕРАТУРА

1. Азбелев, С.Н. Русская народная проза / С.Н. Азбелев // Народная проза : сб. / сост., подгот. текстов и коммент. С.Н. Азбелева. – М. : Сов. Россия, 1992. – 605 с.
2. Байбурин, А.К. Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов / А.К. Байбурин. – СПб. : Наука, 1993. – 242 с.
3. Богушевский, Н.К. О селе Выбутах (Лыбутах), родине Святой Великой Княгини Ольги Российской, Логазовской волости Псковского уезда / Н.К. Богушевский // Святыни и древности Псковского уезда: По дореволюционным источникам / сост., вступ. ст. Н.Ф. Левина. – Псков : Дом печати, 2006. – 514 с.
4. Веселовский, А.Н. Поэтика сюжетов / А.Н. Веселовский // Историческая поэтика. – Л. : Худож. лит., 1940. – 649 с.

Этнакультурная спецыфіка Беларускага Падзвіння ў дыяхронным і сінхронным вымярэннях

5. Золотов, Ю.М. Остатки древнего святилища на р. Кимерше / Ю.М. Золотов // Балто-славянские исследования. 1980. – М. : Наука, 1981. – С. 269–274.
6. Комарович, В.Л. Китежская легенда. Опыт изучения местных легенд. Труды отдела древней литературы / В.Л. Комарович. – М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1936. – 184 с.
7. Липатова, А.П. Местные легенды: механизмы текстообразования : дис. ... канд. филол. наук / А.П. Липатова. – Ульяновск, 2008. – 312 л.
8. Панченко, А.А. Исследования в области народного православия. Деревенские святыни Северо-Запада России / А.А. Панченко. – СПб. : Алетейя, 1998. – 305 с.
9. Пропп, В.Я. Жанровый состав русского фольклора / В.Я. Пропп // Поэтика фольклора. – М. : Лабиринт, 1998. – С. 28–69.
10. Шеваренкова, Ю.М. Легенды о святых источниках (опыт систематизации сюжетов на материале Нижегородской области) / Ю.М. Шеваренкова // Вестн. Нижегород. ун-та им. Н.И. Лобачевского. Сер. Филология. – 2000. – № 1. – С. 77–84.
11. Шеваренкова, Ю.М. Народные рассказы о святых камнях в Нижегородском крае / Ю.М. Шеваренкова // Вестн. Нижегород. ун-та им. Н.И. Лобачевского. Сер. Филология. – 2001. – № 1. – С. 159–165.
12. Шеваренкова, Ю. М. Русская устная народная легенда в ее жанровых разновидностях : дис. ... канд. филол. наук / Ю.М. Шеваренкова. – Ижевск, 2002. – 190 с.

**PSKOV LEGENDS OF SACRED SPRINGS
(BASED ON THE FOLKLORE ARCHIVE OF PSKOV STATE UNIVERSITY)**

L. YURCHUK, I. KAZAKOV

In the article on the material of the legends of folklore archives of Pskov State University is presented as a «sacred springs» in the traditional religious practices of the peasants of Pskov region.